Москва

2
2014

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:
Союз писателей России
Российский Фонд Мира
Трудовой коллектив
журнала «Москва»

16+

2
2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Лев АНИСОВ. **На Волге.** *Рассказ* 3
Наталья КРЕМЕНЧУК. **Смерть на фуршете.** *Роман* (*окончание*) 17
Вячеслав КИКТЕНКО. **Трезвый экспресс.** *Стихи* 120
Игорь ШТОКМАН. **С того берега.** *Рассказы* 125

ПУБЛИЦИСТИКА

Евгений БАХРЕВСКИЙ. **Кавказские «геноциды»** (современные концепции) 137
Валентин ВАЦЕВ. **Новый болгарский феодализм** 151

КУЛЬТУРА

Галина ЩЕРБОВА. **Право на память** 167
Наталья БЕСХЛЕБНАЯ. **Долгий день короткого лета** 173
Знаменитые москвичи
Олег ТОРЧИНСКИЙ. **«Спешите делать добро»** 177
Антология одного стихотворения
Батюшков Константин Николаевич 180

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Сергей ДУРЫЛИН. **Москва.** *Записки. Предисловие Марии Рашковской* 183

ДНЕВНИК ЧИТАТЕЛЯ

Книжный обзор Михаила ПОПОВА 225

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Александр ВАСЬКИН. **По лермонтовской Москве** 231

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Епископ АРСЕНИЙ (ЖАДАНОВСКИЙ). **Опасность прелести** 236
Валерий ДУХАНИН. **Как перетерпеть обиды** 239

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64
Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01
Отдел публицистики А.И. ХАБАРОВ (495) 691-83-86
Отдел культуры О.Ю. ТАРАНЕНКО (495) 691-68-01
Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84
Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10
Корректор О.И. ИВАНОВА
Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:
игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ, П.В. МУЛЬТАТУЛИ, И.И. ПЕРЕВЕРЗИН, В.Г. РАСПУТИН, А.С. САЛУЦКИЙ, М.Б. СМОЛИН (председатель), архимандрит ТИХОН (ШЕВКУНОВ), И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 28.01.14. Формат 70x108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ 389.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, **15612** — «Пресса России», **45211** — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

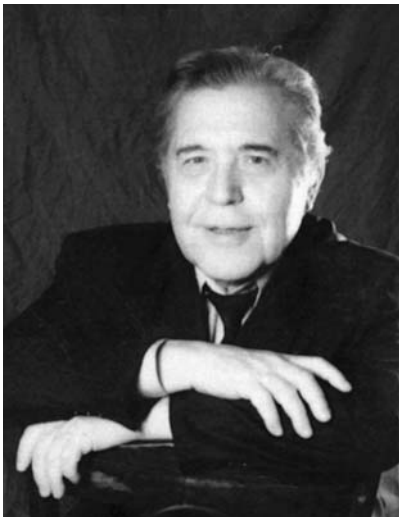
Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор». 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1. Сайт: www.chpd.ru; e-mail: sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87.

ISSN 0131–2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 2, 2014

ЛЕВ АНИСОВ

НА ВОЛГЕ

Лев Михайлович Анисов родился в 1942 году в Москве, в Замоскворечье. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Работал редактором на Гостелерадио СССР в редакции литдрамвещания, в издательствах «Советский писатель», «Скифы», «Эллис Лак».

Автор 11 книг.

Член Союза писателей России.

РАССКАЗ

Михаилу Юрьевичу Кугачу

1

Теплоход подходил к пристани старого приволжского городка. Было начало осени. Пригревало солнце, небо сине, безоблачно, воздух прозрачен, и различимы птицы, кружащие над темнеющим вдали лесом. Ивы, склоняющиеся к реке, роняли в воду желтые, скрученные листья, и они, словно лодочки, покачиваясь, плыли по черной воде; стреноженные лошади на берегу лениво помахивали хвостами и время от времени переступали на новые места. Было по-летнему тепло, и только редкие порывы холодного ветра, налетающие с лугов, говорили: лето кончилось.

Женщину, одиноко стоящую на втором этаже дебаркадера, Андрей Игоревич заметил с середины реки, когда теплоход начинал поворачивать к пристани. В светлом плаще, опершись на перила, она смотрела в сторону приближающегося судна. Было во всем ее облике что-то знакомое, даже родное. Будто кто-то из далекого детства пришел на пристань. Он даже невольно окинул взглядом пассажиров, столпившихся на палубе у выхода, пытаясь угадать человека, которого она ожидала, но сделать этого не смог. И неожиданно поймал себя на мысли, как было бы хорошо, если бы она ожидала его. Но в этом городке знакомых у него не было.

Теплоход причалил к пристани. Матросы скинули трап, и по нему застучали туфли, ботинки, сапоги пассажиров. Вслед за всеми Андрей Игоревич потянулся к выходу и потерял женщину из виду. На дебаркадере они нечаянно столкнулись. Она торопилась к трапу и, пересекая толпу, прямо-таки натолкнулась на него.

Оба улыбнулись друг другу. Андрей Игоревич успел увидеть карие глаза и веселые ямочки на щеках

и уже за спиной услышал ее мягкий голос: она расспрашивала о чем-то матросов, а вскоре, стуча каблучками, обгоняла его. Он смог разглядеть ее, пока шли рядом. Среднего роста, удивительно изящная; темно-русые волосы опускались на плечи. Похоже, из казачек. Бросилась в глаза ее быстрая ровная походка.

Она поднялась по высокой деревянной лестнице на набережную и вскоре, свернув в переулок, исчезла из виду.

Ему почему-то вспомнилось шутливое стихотворение студенческой поры:

Шел и встретил женщину. Вот и все событие.
Подумаешь, событие, а не могу забыть ее.
Не могу забыть ее, а она забыла.
Вот и все событие. Вот и все, что было.

И он улыбнулся.

Городок оказался уютным. Старые одно- и двухэтажные купеческие дома утопали в зелени. На взгорье в окнах домов ярко сверкали лучи заходящего солнца. За высокими деревьями, в конце улицы, проглядывали купола церкви. По асфальтовой мостовой катила телега с сеном. Всего более поразило его то, что незнакомые люди здоровались с ним при встрече.

Он позабыл о женщине. Но на другой день, едва вышел из гостиницы и направился вдоль набережной, читая вывески, вдруг увидел ее. Она шла ему навстречу по другой стороне улицы. Взгляды их нечаянно встретились, и оба приветливо кивнули друг другу. В глазах ее он увидел промелькнувшее любопытство.

Андрей Игоревич заглянул в книжный магазин, что делал в каждом незнакомом городе, и, выйдя из него, принялся с откоса разглядывать заволжские дали.

Ему вдруг подумалось: возможно, с этого места смотрели на Волгу Александр Остужев, Борис Щукин, может быть, Вера Пашенная или глубоко почитаемый им Игорь Владимирович Ильинский, в доме которого ему довелось побывать однажды.

В городке с дореволюционной поры (так сообщалось в путеводителе) располагался Дом творчества актеров. Где-то неподалеку до недавнего времени сохранялась дача Шаляпина. Приезжали в эти места поработать и художники. Как предполагал Андрей Игоревич, мог побывать здесь и один из его любимых художников — Иван Силыч Горюшкин-Сорокопудов. Нынешняя поездка была в какой-то степени связана с его именем.

С Волги в 1912 году Горюшкин привез портрет человека, удивительно напоминающего известного всей дореволюционной России протодиакона Холмогорова, обладавшего необычайно мощным и красивым голосом. В чем-то он даже превосходил Шаляпина. Говорили, никто, включая Шаляпина, не мог лучше него исполнить «Верую» — соло речитатив для баса и хора. Когда протодиакон возглашал: «Им же вся быша», — делалось страшно. Казалось, молящимся открывается тайна творения.

Написан был портрет на фоне деревенских изб, крытых соломой. Поражало выразительностью лицо неизвестного: большой нос, высокий лоб, глубокие складки на узком лице, суровый взгляд из-под колючих рыжих бровей. Место написания портрета не указывалось, но люди знающие утверждали (в основном это были старые московские актеры), протодиакон изредка бывал у родственников на Волге, в деревне, расположенной в четырех километрах от Дома творчества актеров, и, случалось, по просьбе настоятеля, сослужил ему в местном храме.

Забытую богом деревню и старую церковь и хотел увидеть Андрей Игоревич. Именно здесь и могли познакомиться художник и протодиакон.

Удивительно, что в том же, 1912 году Горюшкин написал картину «Из века в век». Сколько ни смотри на нее, глаз не оторвешь. В жаркий полдень на звоннице мирно воркуют голуби, не пугаясь присутствия людей в монашеских одеяниях. Внизу — крыши домов и необозримые дали...

Горюшкин особенно интересовал Андрея Игоревича. Возможно, потому, что талант, которым он обладал, был столь редок, что сравнить его можно было разве что с самыми выдающимися русскими художниками. Но другие мастера становились известными в России и Европе, о них писали, издавали монографии, а о Горюшкине упрямо молчали или, что не стоило скидывать со счетов, умышленно замалчивали.

Художник боготворил старину. Еще студентом Академии художеств, собирая материал для конкурсных работ, он, ученик Репина, часто бывал в Угличе, Суздале, Ростове Великом, других старинных городах, где без устали писал монастыри и звонницы с монахами, многоцветные главы соборов и церквей. Его так и прозвали — певец колоколов.

Возможно, в чем-то Горюшкин и протодиакон Холмогоров (в том, что это был его портрет, Андрей Игоревич почти не сомневался) оказались близки друг другу. Холмогорова волею судеб писали позже Павел Корин и Михаил Нестеров. У них он оказывался на центральных местах в их известных картинах. Но портрет, оставленный Горюшкиным, превосходил их.

«Да, автопортреты пишутся в старости, — вернулся вдруг к занимавшей его последнее время мысли Андрей Игоревич. — А портреты пишут в молодости, с тех, на кого хотят походить».

И, вздохнув, он направился к церкви.

2

Служба кончилась. Звонили колокола. Из церкви выходили прихожане, бегали по двору детишки, догоняя друг друга. В залитом солнцем храме сверкали позолотой Царские врата; в подсвечниках догорали свечи; ощущался запах ладана и воска. С хоров доносились голоса молодых веселых певчих, разбирающих ноты.

Отчего-то вдруг вспомнилось: Холмогорова, когда он еще служил диаконом у Никиты-мученика, на Басманной, известный Зимин все приглашал к себе в оперу. Встретятся, бывало, а Зимин и говорит: «Ну как, отец Михаил, споете у меня хоть Пимена, хоть разочек? Ведь Пимен лицо духовное». «Лицо-то Пимен правда духовное, — отвечал диакон, — а что потом мои прихожане — огородники подмосковные скажут?» Так и отказывался. И до конца дней своих не пел ни у Зимина, ни в Большом театре. А ведь мог бы, как бывший диакон Дормидонт Михайлов, стать народным артистом. Мировую славу прочили Холмогорову. Но другая натура была у человека.

Он всем запоминался с первого взгляда. На полголовы выше толпы, спокойный, необыкновенно величественный. Мощный голос его наполнял звуком всю церковь. Бас буквально завораживал. Холмогоров был весь молитва. Благоговение, с которым служил он, передавалось всегда всем без исключения слушающим его.

«Жаль, голос его никогда не записывался и теперь навсегда потерян», — думалось Андрею Игоревичу. Надежда оставалась разве что на стены храмов, в которых он служил. Говорят, они помнят все.

Ах, стены, стены, так ли это?

Пока он рассматривал потемневшую от времени настенную роспись, из алтаря вышел молодой монах — настоятель храма и, увидев незнакомого человека, задержал на нем взгляд.

Андрей Игоревич подошел к нему под благословение и, получив его, поинтересовался:

— Говорят, в вашем храме пел Холмогоров?

Монах вопросительно взглянул на него.

— Протодиакон Михаил Кузьмич Холмогоров, — поправился Андрей Игоревич.

Названное имя оказалось незнакомо настоятелю.

— Когда это было? — спросил он.

— В начале прошлого века.

— Простите, служу здесь недавно. Не все знаю и не про всех слышал, — ответил монах и неожиданно по-детски, смущенно улыбнулся.

Выпускник Духовной семинарии, недавно рукоположенный в иеромонаха, он, с его слов, служил в храме четвертый месяц, сменив умершего настоятеля. История Холмогорова явно заинтересовала его.

— Не слышал, не знал, — сказал он. — Благодарю вас за интересный рассказ.

Отчего-то вспомнились вдруг слова Холмогорова: «Когда стоишь на амвоне, всегда надо помнить, что перед тобой — Господь Бог, а за тобой — верующий народ». Андрею Игоревичу невольно подумалось: «Как глубоко они верны». Но вслух произнес:

— Когда в двадцать пятом году чествовали Чеснокова, в храме Василия Кессарийского, Михаил Кузьмич пел со сборным хором в сто пятьдесят человек, и голос его, вы представьте, голос не заглушаем был хором даже в моменты совместного форте. Какой голосище! — И, помолчав, добавил: — Говорят, и у вас здесь он пел.

И оба не сговариваясь молча взглянули на амвон.

— Может, кто-то из прихожан слышал об этом? — предположил Андрей Игоревич.

Монах отозвался не сразу:

— Храм закрыт был до войны. Служить вновь начали четыре года назад. Вот и посудите — если кого и расспрашивать, так тех, кому за девяносто. — И, расставаясь, поинтересовался: — Вы к нам надолго?

— Дня на два, не больше.

— Приходите ко всенощной. Попробую разузнать что-то для вас, — пообещал настоятель.

И они расстались.

Был субботний день. Казалось, весь городок стекался к торговой площади, где гудел шумный базар: торговые ряды с грибами, ягодами; тонкий аромат исходил от дозревающих яблок, разложенных на прилавках. Рядом торговали живой рыбой, которая трепыхалась в плетеных корзинах, астраханскими арбузами, саженцами, астрами... И посреди, переходя от прилавка к прилавку, двигалась яркая, пестрая, нарядная толпа. Подумалось, такое красочное пятно не мог упустить Горюшкин. И невольно проскользнула мысль: «Говорят, русский быт умер. Чепуха! Быта не убить. Быт — это человек».

Андрей Игоревич пересек базар и по тенистой петляющей улочке поднялся в гору. Здесь было удивительно тихо. На просторе гулял ветер, шумели листвой березы. Плывущие по небу облака неприметно меняли свои

очертания. Внизу, по раздольной Волге плыли казавшиеся отсюда щепочками баржи. С пристани доносились редкие гудки теплоходов.

С горы, словно наперегонки, сбегали к Волге разноцветные крыши домов и сараев...

От увиденного захватывало дух и становилось светло на душе.

«У каждой местности своя музыка, — подумалось ему. — Но есть места, где эта музыка вечна».

Андрей Игоревич перевел взгляд на заволжские дали. «Что за странный народ мы, русские? — говорил он себе. — При такой красоте, при таких просторах не умеем любить свое родное, у нас всех есть какое-то обидное свойство стыдиться своей “одежды”. А ведь будущее нации — в ее прошлом». Он даже поразился пришедшей мысли.

Уходить не хотелось...

3

Он возвращался по той же улочке, глядя под ноги, когда из ближайшей подворотни выбралась молодая дворняжка и, виляя хвостом, кинулась встречать кого-то. Андрей Игоревич поднял голову и увидел знакомую женщину. Увидели и его.

Она убирала прядь волос со лба, поставив сумку на землю.

Он ускорил шаг, чтобы помочь ей. Женщина не возразила и, наклонившись, потрепала собаку, которая кружила рядом, то останавливаясь и опуская мордочку на лапы, то срываясь с места и высоко подпрыгивая.

— Любят вас, — пошутил он.

— Наверное, есть за что, — в тон ему ответила она, и веселые ямочки на щеках напомнили о живости ее характера. — Кого-то ищете у нас? — поинтересовалась она.

— Теперь не найти, — ответил он.

— Что так?

— Давно человек умер.

— Жил здесь?

— Приезжал в деревню (он назвал ее) и иногда пел в вашем храме.

— Кто это?

— Михаил Кузьмич Холмогоров. Московский протодиакон.

— Нет, не слышала, — не сразу отозвалась она.

— Удивляться нечему — много лет прошло.

— Это ваш родственник?

— Нет, просто люблю старину. Ищу следы ее. А на поиски не всегда времени хватает. У меня вот всего два выходных.

Через несколько шагов остановились у крыльца двухэтажного дома.

— А мне подумалось, вы — художник.

— К сожалению, нет, — покачал он головой. — Но к живописи неравнодушен. Что есть, то есть.

Она взяла у него сумку, и пальцы их на мгновение соприкоснулись.

— Все волжанки такие красивые? — полушутливо спросил он.

— Не могу судить. Я с Дона, — ответила она и уточнила: — С верховья.

— Ну, вот, такая красавица и не слышала об этом замечательном человеке.

— Не довелось, — улыбнулась она.

— А что, до этой деревни далеко отсюда? — сменив тональность, серьезно спросил он. — До всенощной смогу обернуться?

— По дороге — туда и обратно — часа три. Лесом короче...

— Лесом заплутаюсь...

— Я могу проводить вас.

Он не поверил сказанному.

— Вы же впервые здесь. Никого не знаете. Худого не сделаете. А у меня время есть.

— Был бы очень признателен.

— Тогда подождите немного.

Она открыла тяжелую, скрипучую дверь и скрылась за ней...

* * *

Они шли по старой, заросшей травой колее, которая пересекала поле и вскоре привела к лесу. Было еще очень тепло, но уже становилось грустно от запаха ушедшего лета, многослойного, пряно-кисловатого.

По прозрачному, высокому небу плыли и плыли облака.

В лесу тихо. Медленно кружась, падали с берез желтые листья. Кое-где от дерева к дереву тянулись серебристые нити паутины. Цвели поздние осенние цветы. Вода в канавках была настолько прозрачна, что каждая травинка на дне видна.

— Чем-то он задел вас, — заметила она, когда опушка леса скрылась за деревьями.

— Бас замечательный. Недаром его называли церковным Шаляпиным. Если когда-нибудь надумают писать историю русского церковного пения, Холмогорову до́лжно будет отвести в ней одно из первых мест среди исполнителей.

— А я и фамилии его не слышала, — призналась она.

Некоторое время шли молча.

— Расскажите о нем, — попросила спутница.

— Знаете, ну, чтоб не думалось, что я чересчур серьезный, давайте я немного для начала посмешу вас, — неожиданно улыбнулся Андрей Игоревич.

Его доброе настроение передалось ей. Это угадывалось по ее лицу.

— Когда случилась эта история, точно неизвестно, — начал он. — Рассказывают, на одной речной переправе служил паромщик с редкостным, чрезвычайно сильным басом. И вот как-то его голос пришлось услыхать тамошнему архиерею во время объезда своей епархии. Владыка решил: с таким даром Божиим этому человеку уготована прямая стезя к диаконскому служению. Паромщик не заставил себя долго уговаривать и вскоре был рукоположен в диаконы.

Она вдруг тронула его за рукав и, остановившись, указала взглядом на ствол большой сосны, по которой юрко взбиралась белка. Заметив чужаков, зверушка ловко шмыгнула в дупло.

— Простите, — сказала она и повторила: — Простите, бога ради.

Под ногами вновь зашелестела опавшая листва.

— И вот — его первая архиерейская служба, — продолжил Андрей Игоревич. — Церковный причт вышел из алтаря и выстроился для встречи епископа, и среди него, в центре, лицом ко входу, стоит новоиспеченный диакон. Архиерей вошел в храм и остановился, ожидая начальный диаконский возглас «Премудрость». Все замерло, и воцарилась тишина. Но молодой диакон, ощутивший себя в центре внимания, растерялся и молчит. Священники, что поближе, начинают громким шепотом подсказывать: «Ну, давай! Начинай!» Тот, красный и совсем сконфуженный, забыв все, чему его учили, таким же шепотом спрашивает: «Как?» — «Ну,

как обычно, давай же». И вот, сам себя не помня, стоящий напротив архиерея недавний паромщик воздвиг десницу с орарем и во всю мощь своей утробы громовым басом возгласил «как обычно»: «Отча-алива-ай!»

Она залилась звонким смехом.

— Какой же вы... — И, не подобрав нужного слова, продолжила: — Давно так не смеялась. Как легко с вами...

И он как бы заново увидел ее красоту, но теперь по-иному: более полно.

— Не помню, где об этой истории вычитал, — сказал он.

В наступившей тишине слышно было, как где-то застучал дятел, — и вновь тихо.

— А что до Михаила Кузьмича, — произнес Андрей Игоревич. — Тут что сказать... Кончил он курсы при филармонии. Многие советовали ему идти в артисты. Одна только матушка сказала: «Куда тебе, Миша, в артисты, с твоей-то простотой? Заклюют тебя за кулисами. Иди уж ты в дьяконы — послужи Господу». Ну, он и пошел.

Андрей Игоревич помолчал, словно собираясь с мыслями, и через паузу продолжил:

— Когда он был уже известен, спрашивали у него: «А как это вы, отец Михаил, такого совершенства достигли? Вот "Верую" у Шаляпина и то хуже вашего получается». — «Так ведь в церкви-то уж если "О", то "О" и есть, а не "А", а Федор-то Иванович славянские слова несколько на манер русских произносил. Нельзя этого делать в церковном пении».

— Это верно, — неожиданно поддержала она.

— Вы любите петь?

— С детства. У нас в семье все пели. Особенно помню старинные казачьи.

Через минуту-другую поинтересовалась:

— Вы как-то с музыкой связаны?

— Скорее с живописью. Иногда... для себя... стараюсь определить, где и когда картина написана. У каждой ведь своя история. А что до музыки — пел только в детстве. Есть такой грех. Время было послевоенное. В праздники к нам собирались гости. Все садились за стол; стояли рюмочки, тарелки со скромной закуской: винегрет, селедочка, отварная картошка да черный душистый хлеб, который сейчас не пекут. Комнату обогревала голландская печь, выложенная кафелем. И вот у этой печи ставились две табуретки, а на них два ребенка — я и моя двоюродная сестра, и тоненькими голосами мы пели: «Старушка не спеша дорожку перешла...» И пение наше вызывало смех и всеобщее веселье.

— Да, забавная песенка! — вспомнив ее, рассмеялась она.

Над их головами с гулким карканьем, разносящимся по лесу, пролетел ворон и скрылся где-то меж деревьев.

— Помните у Аполлона Майкова стихи? — Андрей Игоревич прочитал врастяжку:

Люблю дорожкою лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колеею
Идешь, и нет конца пути...

Спокойствие какое-то от таких стихов, — прервал он чтение и заговорил о другом: — Знаете, кого я чаще всего теперь вспоминаю?

Она взглянула на него.

— Деда своего. Он был знаменитым в округе кузнецом. Лошадей подковывал. Так и осталось в памяти: зажмет между колен копыто и подкову

прибивает. Я все думаю, что же главное в этом мире... Для чего люди в него приходят...

В глазах ее мелькнуло понимание.

— Возможно, дед с того кузнецом был, что степь любил, коней на приволье... Мы же... все мы... вольнолюбивые по природе... и терпеливые донельзя... Иногда думаешь, взгляни на места, окружающие каждого с детства, и поймешь природу его, суть его. Хорошо однажды знакомый монах сказал: красота, нас окружающая, — это красота божественной мысли, разлитой вокруг нас. Не ей ли каждый поет свою песню?

Он замолчал.

— Вы все же художник.

— Не могу судить, — отозвался он и продолжил мысль: — Тот же Холмогоров, положа руку на сердце, мог сказать: «Пою Богу моему дондеже есмь». Возможно, так и поняли его большие художники. Потому и писали его. А пишут чаще всего то, чего самим недостает. И что интересно: Холмогоров к церкви был привязан, Шаляпин же — человек светский, артист. Но артистов у нас помнят, а Холмогорова — нет. Вот парадокс.

4

Гром грянул неожиданно. Зашумели, закачались верхушки деревьев. Быстро начало темнеть.

— Вот те раз! — засмеялся Андрей Игоревич. — Кто-то прогневался за мои речи.

— Быть того не может, — запротестовала она. — Мысли у вас светлые. А дождь, поверьте мне, мимо пройдет. Сами увидите.

И оказалась права. Прогремев несколько раз, гроза начала удаляться и затихла где-то вдали. Собравшийся было дождь прошел стороной. Небо посветлело....

— И потом, на людей хороших нападать нечестно. — Веселый голос ее как-то особенно отчетливо прозвучал в притихшем лесу.

— Вы взаправдашняя кудесница, — шутливо сказал он.

— В лесу выросла. Девчонкой целыми днями в нем пропадала. По грибы любила ходить. Так что мне в лесу все знакомо.

Несколько шагов прошли молча.

— А ваши родные места? — поинтересовалась она.

— Тамбовщину с детства люблю. Мама родом оттуда. А отец — с Волги.

Услышанное, похоже, чем-то обрадовало ее. Но она смолчала.

Шли, вдыхая свежий, прохладный воздух, содержащий в себе уже не летний зной, приглушенный кронами деревьев, но и не осеннюю сырость, поднимающуюся от мокрой земли. Запах увядших листьев напоминал запах старого вина.

На замшелых пнях виднелись семейки опят. Прикрытые золотыми, красными и лиловыми листьями, спрятавшиеся в глухой траве подосиновики изредка обнажали свои шляпки.

— Жили же люди в России, — заговорил он. — Талантливые, яркие... С характерами — позавидуешь... И век другой. Но было между ними единение какое-то... даже родство... Было. Угадываешь его. И все это...

Он не закончил. Губы его плотно сжались. Продолжил не сразу:

— Как-то Холмогоров... его часто в гости приглашали... любили за правдивость... оказался в гостях у Меркурова. Скульптор был известный. Ленина лепил... Они с супругой, — сами люди добрые, — почитали Хол-

могорова. Меркуров часто рисовал его. Икон у них, конечно, нигде не было. Время было такое, да и не знал Холмогоров, верующие ли сами хозяева. И вот встал он утром — рано, все еще спали. Проходит через одну комнату, другую и видит вдруг: в углу иконы и лампадки перед ними горят. Потом спрашивает: «Откуда у вас иконы такие благолепные?» А хозяин и хозяйка в один голос: «О каких иконах вы говорите? Никаких икон у нас нет».

Андрей Игоревич замолчал. Чувствовалось, что-то внутри задевало его.

— Когда вспоминаю Холмогорова, всегда вижу одну и ту же картину. Зима. Мороз страшный. Первый год войны. И на пустынной платформе небольшой подмосковной станции фигура одинокого старика в старом пальтишке, облепленном снежной метелью. Холмогоров тогда вернулся из заключения. Матушка его умерла. Служить в Москве ему запрещали. И он ездил в Пушкино. Пел там.

И вновь стало слышно, как зашелестела листва под ногами...

Чем дальше они уходили в лес, тем выше казались деревья, более сужалась дорога и тише становилось вокруг. Солнце с трудом пробивалось сквозь густую листву. Ветви елей задевали лицо, руки...

Дорога, заросшая густой травой, а кое-где осокой, сделала поворот, и взору открылось лесное озеро.

Деревья низко склонялись над темной водой, крепко уцепившись корнями за берег. Не было ни малейшего ветерка, и вода казалась необыкновенно ровной. Она блестела как зеркало, отражая небо и деревья, окружающие озеро. На середине его виднелись большие зеленые листья и белые кувшинки.

— Однако и места у вас, — не мог скрыть удивления Андрей Игоревич. Чем ближе подходили к озеру, тем заметнее менялось его настроение. — В хмурые дни хорошо здесь у костра посидеть, есть печеную картошку и слушать истории про водяных.

Шли вдоль берега, когда вдруг что-то с шумом и писком выскочило из-под ног и стало падать в воду. От неожиданности оба вздрогнули, но тут же рассмеялись, увидев утиное семейство, которое, услышав их шаги, бросилось из густой травы спасаться в воду. Мать-утка и несколько утят быстро удалялись от берега.

— Маленький Егорка упал в озерко, — произнесла она.

— Это о чем? — поинтересовался он.

— Детская загадка. Не слышали? «Маленький Егорка упал в озёрко. Сам не потонул и воды не всколыхнул». В детском саду малышам загадывала.

— И отгадывали?

— Не всегда. И подсказывать приходилось.

— А мне не подскажете?

— Ну вот. — Она повернулась к нему, и он увидел ее смеющиеся глаза и веселые ямочки на щеках. — Такой взрослый, умный, серьезный человек... Это же лист с дерева в озеро упал.

— Да-а, пора, пора мне в малышовую группу. К вам поближе.

— Но я уже там давно не работаю.

Солнечная рябь на воде, поднятая утиным семейством, слепила глаза, и приходилось щуриться, глядя на озеро.

— Когда впервые побывала здесь, уйти не могла, — призналась она. — Тайной какой-то от озера веет. Загадочностью... При закате оно особенно красиво.

— Бывали здесь по вечерам?

— Случалось.

— И русалок не боялись?

— Нет... Бояться, старики говорят, живых надо. — Она невольно вздохнула.

— У Крамского картина есть «Русалки». С ней странные вещи происходили... По вечерам уборщицы отказывались работать в зале, где она висела. Пение слышали... тихое, заунывное... А дети Третьяковых пробегали мимо картины, закрыв глаза. Однажды рядом с русалками повесили саврасовских «Грачей». А ночью шум, стук, грохот. Прибежали — а саврасовская картина на полу лежит. Упала со стены. Не понравились ночным русалкам дневные птицы.

— Мистика какая-то, — произнесла она.

— Хорошо старушка нянька, она у Третьяковых жила, — продолжил Андрей Игоревич, — присоветовала. «Повесьте, — говорит, — картину в самый дальний угол, чтобы на нее свет не падал. Трудно русалкам при солнечном свете, оттого даже ночью не могут успокоиться. А как попадут в тень, разом колобродить перестанут». Послушались старую. С той поры никто и не слышит русалок.

Андрей Игоревич наклонился к воде. Намочил руки. Вода оказалась ключевой. Выпрямившись, задержал взгляд на утином семействе, которое подплывало к противоположному берегу, залитому солнцем.

— В лесу с нас маски спадают, — сказал он. — Замечали, сами собой становимся. И фальшивим редко. И мысли глубже, и чувства чище.

Она согласно кивнула.

— Здесь только и получаешь ответы на то, что занимает тебя последнее время. Смотрите, утята. Их же погнал животный страх за свою жизнь. Но страх человеческий? Его боязнь собственной смерти. Это же от неверия нашего. Не страхом Божиим живем, но животным, как утки. А значит, и общество наше больное. Но где бегут церкви, там теряют свою национальность.

— Не умею рассуждать, как вы, — призналась она. — С вами интересно, но за вами трудно поспеть.

За озером дорогу преградило упавшее дерево. Поражали размерами его корни, нависающие над образовавшейся ямой. Едва приблизились к стволу, как откуда-то снизу, из-под дерева, выпорхнула маленькая птичка и скрылась в соседнем кустарнике.

Андрей Игоревич подал спутнице руку и выпустил ее, когда оба преодолели препятствие. И заметил, выпустил с неохотой. Как ему показалось, и она не торопилась освободить ее.

Шли, касаясь друг друга, когда приходилось уклоняться от еловых ветвей.

— Холмогоров мог бывать здесь, — сказала она. — Эта дорога вела в деревню.

Он представил рослого рыжеволосого протодиакона, возвращающегося из города в деревню после церковной службы. «Мог и Горюшкин быть с ним», — подумалось ему, и он невольно оглянулся.

Лес начинал редеть. Сквозь крону деревьев все сильнее и сильнее пробивалось солнце.

— А ведь мы почти пришли, — сказала спутница.

Дорога вывела на нескошенный, заросший высокой травою луг. Сколько видел глаз, кругом белели ромашки, цвел мышиный горошек. А выше всех — лиловые колокольчики. От легкого дыхания теплого ветерка они колыхались, кланялись.

Вдали виднелись крыши домов деревни.

5

Он шел по высокой траве в надежде отыскать место, откуда Горюшкин мог писать портрет Холмогорова. Но крытых соломой изб не было. Стояли семь потемневших от дождя и времени домов, крытых дранкой и шифером. В двух из них окна были заколочены, в остальных топились печи. Из труб к небу поднимались белые струйки дыма.

Поодаль, ближе к лесу, за высоким забором строились коттеджи из красного кирпича.

Да, деревни, изображенной Горюшкиным, не было. Скоро выяснилось, что и коренных жителей здесь также не осталось. В деревне жили люди, приехавшие издалека и заселившие опустевшие дома умерших хозяев.

Объяснили это трое мужиков, сидевших возле плетня на скамейке.

— Местные-то давно повымерли, — говорил один из них, попыхивая самокруткой. — Вот Степаныч, сосед наш был... — Он кивнул на окна ближайшей избы. — Он местный был. Так девять дней, как помер. Сегодня девятина. Сегодня? — переспросил он соседей.

Те кивнули.

— Вот помянули на девятину. Положено так.

— А из старых кто-то бывает здесь? Приезжают?

— Из старых? А кто же из старых? Старые повымерли, а молодые, которые живы, поразъехались кто куда. Бывает, наведываются. Дома-то некоторые на них записаны. Теперь вот мы здесь... Да из Москвы начинают строиться. — Он кивнул на особняки, строящиеся подле леса. — Места-то здесь заметные. Дорогу вот проложили. Тут уж многие приезжают, справки наводят, расспрашивают, не продаются ли дома? — И после паузы: — Вы-то не из таких?

Поблагодарив стариков и осмотрев окрестность, решили возвращаться. Направились к лесу.

— Слышь, слышь, — послышалось сзади. — Чё же пешком? Автобус через час будет.

— Да не тронь ты их. У них, видать, свои дела. Соображать надо, — отозвался другой голос.

* * *

Возвращались немного усталые, заметно сократив дорогу. От запаха прелой листвы и хвои кружилась голова, но было приятно вдыхать этот чистый, пропитанный лучами солнца аромат леса.

— Расстроились? — услышал Андрей Игоревич.

— Есть такое, — ответил он. — Не узнал, что хотелось. Но, Бог дал, деревню увидел, места окрестные... Теперь понимаешь, почему он сюда приезжал... Подвижники они все-таки были великие.

— Кто?

— Горюшкин с Холмогоровым. Старины не предали. Хранили прошлое вопреки настоящему. Им и веришь, в отличие от того же Меркурова, Корина, Нестерова...

— Но это же известные люди...

— И талантливые... Но у соглашательства, если человек с ним живет, особенность одна: в работу проникать.

— Не понимаю, — сказала она и повторила: — Не поняла.

— Не служат двум богам. Они сделали это. Может, потому Господь и не дал Корину написать «Русь уходящую». Павел Дмитриевич ведь думал

«Реквием» писать, а послушался покровителя своего — Горького — и согласился изменить название картины. А изменение это привело к ложному истолкованию самого смысла картины. А что до нестеровских вещей... при всем уважении к их автору... — Он замолчал и докончил: — Что говорить, не веришь всем этим нестеровским красивостям. Не задевают, за малым исключением.

Он задумался о чем-то своем и заговорил не сразу. Заговорил, словно отвечая кому-то на что-то важное, главное для него:

— И Холмогоров оступался. Было. Не все тогда, после октябрьского переворота, могли сразу разобраться, что к чему. Патриарха Тихона арестовали, а тут обновленцы во власть пришли. Пригласили Холмогорова архидиаконом у них стать. Он хотя и сомневался сильно, а согласие дал. А когда понял, что к чему, стыд его охватил. В ту пору патриарху Тихону место заточения определили — Донской монастырь. Все к нему за советом и благословением кинулись. Отправился в монастырь и Холмогоров. А там толпа людей. Вышел келейник, переписал всех, кто на прием. Ждут все. Через какое-то время келейник вновь появился, читает имена, кого патриарх примет, а имени Холмогорова нет. Еще более стыдно стало ему. Что будет дальше? Те, кому патриарх отказал, домой отправились, а он остался — не мог уйти... Так подле изгороди, что возле дома патриарха, и ходил удрученный. К вечерне зазвонили. Выходит патриарх. Все теснятся благословение получить, ну а он поодаль стоит. Переживает. Вдруг чувствует, сзади его будто подталкивают, а спереди расступаются. Не успел оглянуться — стоит перед патриархом. Оробел. Посмотрел святейший на него и спрашивает: «Ну что, будешь у “живоцерковников” архидьяконом служить?» Тут Холмогоров разрыдался, а святейший его и благословил. Простил.

— Знаете, кажется, я давно уже знаю и Холмогорова, и Горюшкина. И все благодаря вам, — сказала она. И не сразу добавила: — Вот и про вас многое узнала.

Дорога начинала спускаться в овраг, и он вновь подал ей руку. Не сговариваясь, почти бегом они спустились на дно его и, перебравшись через прозрачный ручей, перевели дыхание.

— Да и я про вас кое-что успел узнать, — сказал он.

Прежняя живость вернулась к нему.

— И что же узнали? — поинтересовалась она.

— Ну, к примеру, что вы занимаетесь музыкой и муж у вас, вероятнее всего, военный.

Брови ее удивленно взлетели вверх.

— Да, военный... Был военным, — поправилась она. — Но как вы узнали?

— Ну, давайте размышлять здраво. Вы родились на Дону, в верховьях его?

Она ответила кивком.

— Затем оказались в этом городке. Так?

— Так, — согласилась она.

— Но здесь люди живут оседло. Так что вряд ли кто из местных, оказавшись случайно в ваших краях, мог увлечь вас. Для этого нужно время. Следовательно, сделаем предположение, кто-то имел возможность ухаживать за вами длительное время, добиться вашей симпатии, затем предложить руку и сердце и привезти вас сюда. Но кто это мог быть? Ваш земляк? Но с ним вы бы остались на Дону. Тогда кто? Скорее всего, молодой лейтенант или курсант военного училища, обучавшийся в ваших краях и получивший затем назначение в местный гарнизон. Молодые офицеры чаще всего ищут красавиц, чтобы затем лишний раз похвастаться ими перед сослуживцами.

Она не могла скрыть удивления.

— Ну а про музыку как вы узнали?

— Голос выдал. Он у вас музыкальный. Когда вас слушаю, музыку слышу, — пояснил он. — Вот, собственно, и весь секрет.

— А я ведь действительно с детьми пением занимаюсь.

— Ну вот видите. А я даже не поблагодарил вас... Нашли время для меня.

— День такой выдался. Одна сегодня дома. Сын в Самаре. Отправила с соседом, чтобы приглядывал за ним. Восемьдесят два года человеку, а он на охоту к старшему брату, тому восемьдесят пять, поехал. Вот жду их. Не сегодня завтра должны вернуться. А муж в областной город уехал за какими-то приставками для компьютерных игр. Играми увлекся. От компьютера по вечерам не оторвешь...

Когда вышли из леса, начинался закат. С откоса, куда привела дорога, хорошо были видны заходящее солнце, застывшие в небе облака с красными подпалинами, начинающие темнеть берега.

На фоне светлого еще неба четко выделялся темный силуэт церкви.

— Какая красивая, — сказал он, кивнув на нее.

— Знаете, кто ее спас? — спросила она. — Сосед наш — с кем сын в Самару уехал. Он когда-то директором совхоза был. Рассказывал нам: звонят однажды ему из области и приказывают снести церковь. А он не верующий особо, а тут как-то сообразил и говорит: «Сносить не стану. Куда мне зерно ссыпать...» И настоял на своем... Оставили церковь.

— И закат необыкновенный, — произнес он.

— Вы еще восхода луны у нас не видели, — сказала она. — Вам бы посмотреть на нее.

— А вы? Кто же мне подскажет, в какую сторону смотреть? — пошутил он.

— Не знаю... Не могу обещать.

Она постояла еще минуту-другую рядом, глядя на закат, и, не попрощавшись, а только слегка кивнув, поспешила вниз по улочке.

На службу он опоздал. Но из окошка свечной лавки выглянула седоволосая женщина в белом платке и передала конверт со вложенным листом бумаги.

— Батюшка велел вам передать, — сказала она.

На листке каллиграфическим почерком монах написал адрес внучки настоятеля, с которым Холмогоров мог служить в храме. «Живет она в Киеве, — писал он. — Возраст у нее почтенный. Но два года назад приезжала в наш город повидать родные места. Возможно, поможет вам узнать что-то о Холмогорове. С дедом своим она выехала из города еще до войны и до конца его жизни не покидала его. Будут какие-то вести, не забудьте нас».

Он решил дождаться конца службы, чтобы поблагодарить отзывчивого монаха.

Церковь была полна народа. Слаженно пел хор. Слышен был высокий голос священника, служившего вечерню.

Андрей Игоревич стоял неподалеку от входных дверей, прямо под хорами, но долго не мог сосредоточиться на службе, занятый мыслями о неожиданно полученном известии и размышляя о том, что теперь, Бог даст, правда о пребывании в городе Холмогорова, а возможно, и Горюшкина откроется. И как это важно будет для тех, кто примется когда-нибудь писать монографию о художнике.

Он даже не сразу услышал, когда кто-то под конец службы позвал его по имени-отчеству. А когда обернулся, увидел ее и обрадовался.

— Встретили? — шепотом спросил он.

Она покачала головой.

— Видимо, завтра приедут, — тихо ответила она и поинтересовалась: — Что-то узнали?

— Дали мне адрес. — Он показал письмо.

На их голоса стали оборачиваться, и они замолчали...

Из храма выходили, когда вокруг начинало темнеть. Звонили колокола. Народ растекался по ближайшим освещенным фонарями улицам.

Направились к торговой площади. У закрытых ворот рынка остановились.

— Дальше не провожайте, — попросила она.

— А как же восход луны? Придете?

— Приду... Постараюсь прийти...

Он поднялся на вершину горы. Луна медленно поднималась над темным лесом, уснувшими полями, отходящим ко сну городом, широкой рекой и заволжскими лугами с озерами. Отражение ее вскоре соединило берега и обозначилось светлыми пятнами на поверхности озер. Оторваться от увиденного было трудно.

Он вспомнил ее слова и дважды, если не трижды оборачивался на дорогу, идущую из города.

Но она не пришла...

Ночью ему снился сон. Холмогоров рассказывал про спрятанную Нестеровым картину. «Ну, представьте себе провинциальный крестный ход, — говорил он. — Всех изобразил Михаил Васильевич: и народ, и святых, и интеллигенцию. Даже Достоевского и Льва Николаевича. Льва-то Николаевича, правда, совсем с краю поставил, ну а меня московским царем одел — в самой середине, с рыжей-то бородой». И слова его начинали тонуть в нарастающем шуме дождя. Где-то рядом прогремел гром. И раз, и два.

Андрей Игоревич открыл глаза. За окном, в темноте, сверкали зарницы. Ветки дерева стучали в окна. По крыше и подоконникам колотили крупные капли дождя.

До утра дождь хлестал не переставая. Потоки воды текли по мостовой. На асфальте пузырились лужи, разлетались брызги.

Пора было собираться на пристань. Теплоход приходил рано утром. Он вспомнил вчерашний день, и ему стало жаль, что он даже не попрощался со спутницей.

Распрощавшись с администратором, пожелавшей ему удачного пути, он побежал к пристани, прикрывая голову газетой. Кроме кассира, на пристани никого не было. И неожиданно он увидел ее. С зонтиком в руках, она торопливо спускалась по лестнице к пристани.

Встречая ее, он встал под козырьком, с которого стекала вода.

— Что же вы ушли так рано? Без зонта. Я уж забегала в гостиницу. Сказали, вы ушли. Весь намокли. Пришла сказать вам... Забыла вчера. Сосед наш... С которым сын уехал... он же родом из деревни, где мы были. Они же со старшим братом должны помнить о Холмогорове. Возможно, и о том, к кому он мог приезжать... — И провела рукой по его костюму. — Совсем промокли.

Он обнял ее и, прижав к себе, поблагодарил за все.

— Приедете? — спросила она.

— Приеду. Теперь обязательно приеду, — ответил он.

И оба услышали гудок приближающегося к пристани теплохода.

НАТАЛЬЯ КРЕМЕНЧУК

СМЕРТЬ НА ФУРШЕТЕ

РОМАН

Grus grus

Но в этом мире такой скандал — на несколько минут, и в движении к объявленному фуршету все его тут же забыли. Саму Ксению отвлек случайно услышанный обрывок разговора. Она даже не заметила, что Трешнев куда-то исчез.

— Что-то живое в литературе еще способны произвести, наверное, лишь провинциалы, которые не очень знакомы с законами нашей литературной тусовки, не имеют связей в этой сфере, рассчитывают только на себя. Да, только на себя... — Ксения обернулась и увидела *Самого*, с доброжелательной важностью вещавшего невысокому, нелитературно выглядевшему крепышу с небольшими щегольскими усиками.

Тут Ксению толкнули, и, пока она выслушивала извинения и ползала между рядами, пытаясь собрать выпавшие из любимой, слегка потрепанной сумки карандаши, закладки, пудреницу, блестящие цилиндрики с наполовину оторванными туловищами помад, *Сам* и крепыш удалились.

Один из цилиндриков — «Сислей», подарок мужа, жалко! — закатился под крайний стул. И хорошо сделал. Иначе бы она не услышала еще один разговор:

— Заказ, я думаю, тянет тысяч на двенадцать. В евро, разумеется.

— Никаких проблем! Сделаем реально качественно и красиво!

Разговаривали двое: начисто лишенный красок, бесцветный мужчина, эдакий социальный альбинос, даром что в дорогом синем костюме и дорогущем галстуке, и высокая, яркая шатенка. Не свои, не «щедринского» круга. На ком еще из «щедринских» дам увидишь голубую накидку, отороченную белоснежным горностаем с крапинками черных кончиков хвоста?

Окончание. Начало — № 1.

Ксения оставила в покое сумку, вылезла из-под стула и сделала вид, будто рассматривает бронзового Пушкина, по праву несменяемости навечно водруженного здесь. Затем можно было полюбоваться и копией известного портрета Салтыкова-Щедрина, прилаженного к подножию *солнца нашей поэзии*. Ксении до аллергического зуда хотелось узнать, кто кому, а главное, кого *заказал*.

— Оформляем договор, и вы все устраиваете мне по высшему разряду.

— Оснований для беспокойства нет! Супруг останется реально довольным. У вас юбилей или презентация?

— Юбилей. Мужу шестьдесят... пять...

— Значит, банкет. Да, оформляем! За вами только меню, а инвентарь, ну там печи, гриль, посуда, развоз гостей — это все наше.

Стороны перешли к обсуждению деталей.

— Погодите, я должна записать...

Дама достала из сумки желто-коричневый, с пятнистым рисунком, бархатистый блокнот. Вряд ли «под». Не имитация, наверняка натуральный. При мысли о невинно убиенных безобидном жирафе и юрком горностае Ксения едва не заплакала.

— А места хватит? — вдруг спохватилась заказчица.

— В этом зале может разместиться до полутора тысяч человек! — авторитетно заявил безликий представитель фирмы «Бест фуд». О названии фирмы — Ксения покинула пост и подошла ближе — уведомляла надпись на бейджике.

— Что вы! Мне столько не надо! У меня только четыреста пятьдесят... — испугалась дама с горностаем. «Жираф» выпал из ее рук, и в тот же миг был поднят услужливо-расторопным менеджером. — И писатели. Да. Десять.

— Что «писатели»?

— Хотим позвать писателей... Штук... Человек десять. Больше не нужно.

При этих словах бесцветный вдруг изменил себе и пошел пятнами. Впервые на его тусклом лице появилось некое подобие чувства. «А на кой тебе писатели?!» Заказывали на его памяти разное: певцов, актеров, режиссеров. Попрыгать, поплясать... Но писателей? Нет, писателей еще не приходилось...

Тяжело вздохнув, «Бест фуд» вспомнил, зачем он здесь и какой процент ему причитается, и, предупредительно шаркнув левой ножкой, подался несколько назад.

Что и говорить, приведет он писателей. Как говорится, не уходя с этого фуршета. Вон их сколько! Прозаики, поэт на поэте... Да и драматургов тоже подобрать не составит особого труда. Люди общительные...

Атриум Музея Пушкина был не только местом встреч литераторов всех мастей. Под обаяние усадебной жизни успели попасть бизнесмены, шоумены, конгрессмены и прочие рекордсмены современных капиталов. Им и карты в руки, и пряники печатные, и заморские вина.

Атриум отдается всем. Никому нет отказа. Зачем?

Богатые хотят платить?

Пусть платят.

В «Онегинском зале» столы, слава богу, для них еще не накрывают. Пока.

А захотят Кириллы Петровичи — что ж, придется отдать и Онегина, и бронзу, и фарфор.

Фуршета час давно просрочен.

Где Трешнев?

Не сбежать ли от всего этого великолепия?

Ксения поискала взглядом крепыша и *Самого*. Но тот уже, видимо, свое сегодняшнее высказал. Взяв собеседника под руку, величественно двигался в ту часть зала, где было готово продолжение праздника.

— Давайте пока на этом остановимся. Все остальное — в саду, то есть на фуршете...

Жаль, подумала Ксения. Только начала слушать-подслушивать, как интервью и закончилось. Нечего было отвлекаться на чужие банкеты.

Она огляделась еще раз. Все пространство бывшего усадебного двора было отдано сегодня не обладателям жирафовых блокнотов и кошельков, а почитателям наследства русской дворянской литературы, как говорили литературоведы от марксизма-ленинизма. Когда-то отсюда выезжали жесткие, раздолбанные экипажи с домашним скарбом многодетного барина, прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка. Нынче сюда везут стандартный кухонный инвентарь, белый костяной фарфор, штампованные скатерти, салфетки, полотенца, различающиеся лишь логотипами ухватившей заказ фирмы. Перины и клетки с петухами уступили место арендным столам и фуршетному текстилю.

Где Трешнев? Здесь! Идет Ксении навстречу.

— Ты куда это? — спросил он, заметив ее попытку к бегству.

Нежно приобнял и повел к самому сердцу атриума — к малахитово-белой арене с высокими папоротниками посредине. Они жили своей жизнью, смутно подозревая, что когда-то на этом самом месте стоял колодец, из которого вычерпывала воду многочисленная челядь хлебосольного барина. Родственник колодца — фонтан в черной чаше — тосковал по папоротнику прямо под ним, в цокольном этаже.

Ксения подошла к папоротникам и провела рукой по узорчатым распушенным листьям. Они ожили, вздрогнули и потянулись ей навстречу. Но Трешнев быстро прервал их молчаливый дружеский разговор.

Выглядел он на редкость довольным. Только чем?

Находит теперь счастье не в личной жизни, а в жратве? И в мимолетных литературных скандалах?

— Приступим? — протянул ей тарелку и вилку. Хотя после слова «приступим» Ксения ждала совсем других действий. Увы!..

Рядом с лирическим папоротником располагался стол, на котором в жире, в грилях, плавились крохотные шашлычки из индюшьего филе, шашлычки из свиной шейки, шашлычки из семги... Все правильно, все возвращается на круги своя: древним римлянам атриум тоже служил очагом — недаром само это слово означает «закопченный, черный»...

Несмотря на неостановимое и повсеместное поглощение еды, к Трешневу то и дело подходили, задавали какие-то свои, непонятные ей вопросы, заводили невнятные разговоры, навязывали ненужные знакомства. Он что-то съедал и снова, как и в начале вечера, крутил головой в поисках намеченного. Ну точный журавль, высовывающий длинную шею из уютного, обжитого, такого родного, такого привычного фуршетного гнезда.

Один из пристроившихся к их столику журавлей тем временем нежно приветствовал ее спутника, согнувшись едва ли не пополам, — он был на полторы головы выше Трешнева, обладателя вполне достойного мужчины роста.

— Андрей, выглядишь замечательно! По всему видно, дела идут неплохо. — То, что дела идут не очень хорошо, предполагала этой самой своей женской сущностью только Ксения. — Хотя нам до них далеко, — кивнул